О.А. Игумнов
канд. пед наук, доцент, доцент кафедры
экономической теории и менеджмента
ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»

Социальный капитал как ресурс управления: социализация концепта в рамках теории социальных сетей и социоресурсного подхода

Развитие постиндустриального общества характеризуется изменением фундаментальной основы хозяйственной деятельности: основными источниками социального развития, помимо новых знаний, технических и организационных решений и распространения инноваций, становятся активы управления нематериального свойства как основа конкурентных преимуществ.

Вместе с тем теория человеческого капитала, основанная на представлении о человеке как источнике, носителе и пользователе знаний и компетенций, по мере трансформации постиндустриального общества в общество знаний и научного осмысления данного процесса, перестала в полной мере обосновывать процесс формирования социальных систем, ограничивая указанный процесс исключительно влиянием индивидуальных знаний и способностей.

Одним из фундаментальных положений социологии управления является понимание природы человека и внешней влияющей среды как единства и взаимодействия порядка и хаоса, а также социокультурного характера его сущности, находящейся в состоянии постоянной динамики и трансформации.

Способность организаций и социума в целом создавать новые ценности, гибко адаптироваться к динамичным условиям инновационного развития зависит не только от компетенций индивидов, но и от их эффективного взаимодействия. Осознание ценности установления надёжных и позитивных

социальных связей в качестве источника конкурентных преимуществ актуализирует формирование и развитие концепции социального капитала как ресурса организационного управления.

Социальный капитал, в широком значении, рассматривается как коллективное благо, которое обусловлено наличием и качеством складывающихся субъект-объектных отношений и поэтому обладающее свойствами ресурса эффективного управления. Последнее предполагает, что усилия субъектов управления, направленные на установление и развитие социальных связей в организации, позволяют рассчитывать на дополнительную ценность, которая не могла бы быть создана в случае их отсутствия.

Понятие социального капитала, сформировавшееся во второй половине XX века, играет в современных социальных науках роль определённого связующего звена между различными дисциплинами, прежде всего, социологией, экономикой и управленческими науками. Понятие «социальный капитал» выступает как ключевое в социологии, что позволило одному из ведущих современных специалистов по теории социального капитала, А. Портесу, утверждать, что данный концепт стал самым успешным примером теоретического и концептуального экспорта из социологии как в другие социальные науки, так и в публичную сферу [53; 54].

Понятие «социальный капитал» было введено в научный оборот Л.Дж. Ханифаном, определявшим его через солидарность и социальные связи между теми, кто образует социальную группу [43]. В современных интерпретациях социальный капитал наиболее часто рассматривается как возможности, обусловленные включенностью индивидов в те или иные виды отношений, построенные на доверии (уверенности), соблюдении норм взаимности и реципрокном обмене.

Подобное понимание социального капитала обусловило тот факт, что теоретической основой его исследования выступают как собственно концепции социального капитала [14; 15; 22; 25; 31; 52; 56], так и теории социального доверия [1; 31; 38; 39; 40; 41; 47], обмена [28], социально-сетевой подход [2; 7;

8; 11; 13; 21] и др. В них соответствующие феномены, находясь в разном соподчинении друг с другом, образуют тесную взаимосвязь [11], которая фигурирует в большинстве определений социального капитала. Различные походы к толкованию сущности социального капитала обусловили и многообразие его определений.

Социальный капитал, по данным анализа публикаций отечественных и зарубежных учёных, определяется как:

- социальные сети, социальные нормы и доверие [4];
- связи между индивидами, социальные сети и нормы взаимности, которые из этих сетей проистекают [23, с. 320];
- потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целерационально формируемый в межличностных отношениях: обязательства и ожидания, информационные каналы и социальные нормы [29];
- структура знакомств, которая определяет доступ человека к товарам и информации [5, с. 97];
- ожидания относительно социального действия в рамках коллектива, влияющие на поведение членов этого коллектива [54, p. 1323];
- особенность сети отношений, которую выстраивает индивид [51];
- запас социальных сетей в обществе, используемый при производстве товаров и услуг [57];
- ценности и убеждения, разделяемые гражданами, которыми они руководствуются в повседневной жизни и на основе которых устанавливаются правила поведения [48, p. 111];
- качество социальных отношений [30; 34].

Отметим, что приведённое многообразие определений отражает не только сложность самого концепта, но и требует принципиальной дифференциации в его социологической интерпретации, которая, в силу специфики предмета изучения, рассматривает социальный капитал не как вспомогательный рыночный инструмент, предполагающий нерыночные формы взаимодействия,

что фактически сводит сам концепт «к средству преодоления недостатка информации и изучения локальных конкурентных преимуществ» [24, с. 22], а как социологический концепт, обусловленный не экономическими, но, прежде всего, социальными отношениями.

Социология управления определяет социальный капитал как объект анализа, а не как предпосылку, признавая его, безусловно, самостоятельной аналитической категорией, понимая субъектов не как автономных, а как встроенных в сложную систему социальных отношений индивидов с присущим им общим мотивационным комплексом. Подобный ракурс анализа получил название «социализация социального капитала», предполагающий анализ на качественном уровне социальных отношений и связей, на которых основывается социальный капитал.

Признание данной особенности в социологической интерпретации социального капитала позволит избежать возможной «экономизации» в его исследовании как социального феномена. Об этом в начале XX века предупреждал русский философ С.Н. Булгаков, обращая внимание на негативную тенденцию социокультурного развития человечества, определённую им как «экономизм». По его мнению, «наше время понимает, чувствует, переживает мир как хозяйство, а мощь человечества как богатство преимущественно в экономическом смысле слова. <…> Наша эпоха любит богатство – не деньги, но именно богатство – и верит в богатство, верит даже больше, чем в человеческую личность» [3, с. 54].

Идеология экономизма, рассматривая хозяйство лишь как систему вещей и их постоянного увеличения в условиях материального производства, существенно ограничивает анализ труда человека, как правило, изучением проявлений неодухотворённой природы. Вместе с тем, с позиций социально ориентированного управления, главной задачей субъекта управления выступает создание условий для творческого труда и развития социального взаимодействия партнёров социально-трудовых отношений, обеспечивающих

«способности к новому творчеству, идущему дальше простого воспроизведения или повторения старого» [3, с. 137-138].

Хозяйственная жизнь – это не творчество отдельных индивидов, она определяется множественностью, разнообразием и степенью глубины человеческих отношений, придающих ей внутреннее единство и практический смысл, поскольку в процессах совместной деятельности происходит социальный обмен знаниями, опытом и различного вида ресурсами.

Влияние теории обмена на интерпретацию социального капитала выразилось в ресурсном подходе, в рамках которого социальный капитал – это сознательно устанавливаемые социальными акторами отношения, которые могут составлять для них полезный ресурс [15, с. 128]; ресурсы, перемещающиеся от доноров к реципиентам и приравнивающиеся сумме связей актора с другими акторами [7]; способность индивидов распоряжаться ограниченными ресурсами на основании своего членства в определённой социальной сети или в более широкой социальной структуре [51]; ресурсы, которые акторы получают из специфических социальных структур и используют, исходя из своих интересов [33]; дружеские контакты, обеспечивающие доступ и наращивание финансового и человеческого капиталов [35]; функция, определяемая размером сети, силы отношений между актором, а также ресурсами, которыми обладают члены сети [37]; ресурсы, находящиеся в социальных сетях [44]; ресурс, в который конвертируются отношения между участниками социального взаимодействия, характеризующиеся взаимной ответственностью, а также благонадёжностью и доверием [10, с. 201].

В исследованиях П. Бурдье, основанных на структурно-конструктивистском понимании социальной системы как объективной структуры, а действий людей – как обусловленных жизненным опытом и социализацией, социальный капитал определяется как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой

сетью более или менее институциализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» [4, с. 66].

В рамках теории поля, предложенной П. Бурдье, учёным, социальный капитал выступает в качестве ресурса, обладающего потенциалом социального взаимодействия индивидов. С позиции предложенного нами социоресурсного подхода считаем принципиальными положения о ресурсном характере социального капитала организации и о социальном взаимодействии акторов как основе социального капитала.

Американский социолог Дж. Коулман, представляющий теорию рационального выбора, указывает, что, социальное взаимодействие следует рассматривать как процесс координации действий людей, стремящихся к достижению индивидуальных целей, при этом рациональность выбора определяется оптимальностью стратегии поведения. Далее учёный отмечает, что, хотя социальный капитал и рассматривается как специфический ресурс, которым обладает актор (индивидуальный либо коллективный), сам по себе он определяется не акторами как таковыми, а структурой связей между ними.

По его мнению, «в отличие от иных форм капитала (имея в виду капитал как совокупность вещественных ресурсов) «социальный капитал» свойствен структуре связей между акторами и среди них. Это не зависит ни от самих акторов, ни от средств производства» [15, с. 124]. Социальный капитал, в подходе Дж. Коулмана, характеризуется наличием социальных структур и облегчением «определённых действий внутри этих структур» [15].

В указанном подходе ценным, на наш взгляд, является интерпретация Дж. Коулманом социального капитала в качестве социального ресурса, обеспечивающего структуру социального взаимодействия, направленную на фасилитацию деятельности акторов внутри организаций, обеспечивая функционирование социальных сетей и социальных норм, а также условия для координации и кооперации ради взаимной выгоды.

Именно в этом смысле М. Палдам использовал для определения социального капитала метафору «социального клея», который позволяет

мобилизовать дополнительные ресурсы отношений на основе доверия людей друг к другу [50].

В исследованиях Р. Патнэма, основанных на положениях теории коллективного действия, отмечается, что к сотрудничеству приводят общие нормы, формируемые общими действиями. Особое внимание уделено норме взаимности (взаимного обмена). Сбалансированный взаимный обмен основан на эквивалентных ценностях, тогда как обобщённый обмен – на постоянных отношениях и взаимных ожиданиях эквивалентности обмена [20, с. 207].

Центральной идеей в понимании социального капитала является то, что социальные сети и связанные с ними нормы взаимности представляют ценность для участвующих в них людей [56]. Это определение, по мнению А. Портеса и Е. Викстрома, открывает возможности для анализа социального капитала с точки зрения гражданского участия и в качестве публичного блага [53, p. 462].

В теоретическом плане Р. Патнэм расширил представления о социальном капитале, выделив несколько дополнительных его аспектов. В частности, им описаны различия между горизонтально и вертикально интегрированными сетями, формальными и неформальными ассоциациями, сильными и слабыми связями, а также «связывающим» и «соединяющим» типами социального капитала. Каждый из указанных типов социального капитала может использоваться индивидом в разных обстоятельствах и для различных целей.

В отличие от других исследователей, Р. Патнэма в большей степени интересуют не социальные связи между отдельными индивидами, а социальный капитал как интегральная характеристика социума. Различие между этими подходами довольно существенно, поскольку Дж. Коулман относит социальный капитал к индивидуальному благу, а в подходе Р. Патнэма он представлен как элемент социальной организации.

В качестве элемента социальной организации социальный капитал представляет интерес для научного исследования, поскольку позволит рассматривать его как укоренённый в социальном поле организации аттрибут,

имеющий особое значение вследствие обладания им ресурсным потенциалом в социальном управлении.

Один из ведущих современных исследователей Н. Лин даёт очень короткое определение: социальный капитал – это «инвестиции в социальные отношения, основанные на ожидании их возврата на рынке» и обеспечивающие «доступность и использование ресурсов, заключённых в социальных взаимосвязях», а также «солидарность и воспроизводство группы» [45, p. 19; 46]. Данное определение, несмотря на его кажущуюся простоту, затрагивает глубинную проблему, касающуюся природы социального капитала, решение которой способно дать ответ на вопрос о возможности его приращения в процессе использования как социального актива.

По сути, используя понятия экономической науки – «инвестиции» и «возврат», Н. Лин переводит концепт «социальный капитал» в разряд социологических концептов, то есть «социализирует» его, что позволяет рассматривать социальный капитал его как социальный фактор управления, обладающий способностью к самовозрастанию в процессе использования. Исследования Н. Лина, по нашему мнению, предоставляют теоретические основания для учёта указанной способности при разработке концептуальной модели социального капитала.

Несмотря на различия в формулировках, среди теоретиков социального капитала достигнут консенсус относительно, как минимум, двух аспектов этого концепта. Первый аспект касается его сущностной особенности, поскольку в основе социального капитала лежат социальные связи между акторами, имеющие ценность для акторов, и влияющие на возможность совершения акторами действий, что и повышает для них его ценность.

Второй аспект отражает рациональный смысл социального капитала: капитал – это ресурс, который обладает способностью увеличивать ценность объекта «вложения», то есть является, в известном смысле, «инвестицией». Очевидно, что в этом случае инвестиция рассматривается в социальной, а не в экономической коннотации.

Социальный капитал может быть, как и иные формы капитала, представлен в виде ресурса, но в отличие от них, он не «теряет» в объёме по мере использования, а, не будучи используемым, социальный капитал утрачивает свою ценность. Этим обусловлена потребность постоянных «вложений» в него в форме социального взаимодействия и действий, поддерживающих доверие между индивидами.

Принципиально важной остаётся общая идея использования социальных связей положения в социальной структуре для получения некоторых выгод или создания ценности. Поскольку социальные связи являются лишь одной из возможных категорий средств увеличения ценности, объяснимо и определённое противопоставление типов капитала, на которое обращают внимание многие теоретики: экономического (рационального) и «неэкономического» (иррационального), социального и культурного, социального и человеческого и т.п. [4; 15; 46].

Отметим, что предлагаемый нами концептуальный подход не предполагает отнесение социального капитала как «неэкономического» к иррациональному, поскольку трактовка «неэкономического» как «нематериального», не опосредованного рациональностью, представляется нам излишне узким, экономизированным подходом, основанном на теориях «рационального выбора» и «экономического» человека.

Наш подход исходит из того, что социальный капитал в теоретическом плане рационален, представляя собой культурно-исторически детерминированный концепт, а в практическом плане уже признан реально существующим фактором социального управления, способный выполнять роль актива в силу именно достаточно высокого уровня его рационализации как на уровнях эмпирической и теоретической аргументации, так и на уровне неуниверсальной (контекстуальной) аргументации, предполагающей оценку на уровне традиций, здравого смысла и ценностей.

Кроме того, поскольку понимание сущности социального капитала предполагает и обязательное понимание смысла действий и поведения людей

как социальных акторов, в методологическом отношении важно учитывать позицию М. Вебера по данному вопросу, который отмечал, что понимание смысловых связей рассматривается как объяснение фактического действия, а объяснить означает «постигнуть смысловую связь, в которую по своему субъективному смыслу входит доступное непосредственному пониманию действие» [6, с. 606-609].

Как показывает история развития социологической науки, нерациональное обоснование не является нерациональным или иррациональным; оно сопровождает формирование любого социологического конструкта (каковым мы рассматриваем и социальный капитал) и посредством онтологизации преобразует его в концепт. Данная особенность в значительной мере обусловлена и самой спецификой социологической науки, истолковывающей мир не столько как *бытие* (то есть как повторение, цикл), сколько как *становление* (то есть непрерывное порождение нового), учитывая «стрелу времени» и придавая контекстуальным аргументам функцию составной части всякого процесса научного обоснования.

С исторической точки зрения развитие теории социального капитала отражает общие дискуссии о природе капитала и, в особенности, формирование представления о многообразии его форм и источников. При этом было бы некорректно, по нашему мнению, полагать, будто роль социальных отношений в производстве и распределении благ была признана только в последнее время [12].

Классическая марксистская теория напрямую увязывала существование капитала с положением акторов в социальной структуре, а именно – с иерархическими отношениями между собственниками активов и работниками [17]. Именно собственники получают выгоду от своего положения в социальной структуре. Контролируя средства производства, они имеют возможность присваивать добавленную стоимость, инвестируя её в дальнейшее производство и экономические обмены, генерирующие прибыль.

Однако сами по себе социальные отношения в данном случае не являются источником капитала, поскольку они участвуют только в его перераспределении. Фундаментальным источником капитала являются, прежде всего, товары, реализуемые на рынке, созданные трудом, выступающим необходимым условием для их производства. В ходе дальнейшего развития марксистской теории кардинальным образом были пересмотрены фундаментальные источники капитала, что во многом отразило объективные изменения в социально-экономических отношениях западных обществ.

В процессе социального развития структурные ограничения, которые предполагались в классической марксистской модели капитализма, во многом утрачивают прежнюю актуальность, поскольку работники более не являются взаимозаменяемыми, а конкурентные преимущества организации зависят не столько от количества контролируемой рабочей силы, сколько от её качественных параметров и уровня мотивации.

С точки зрения социального управления это означает, что отношения между его субъектами и объектами становятся более сложными, не сводятся к классовой иерархии с её непроницаемыми границами, а позиции в социальной структуре приобретают более подвижный характер – вплоть до изменения классовой принадлежности вследствие успешного «инвестирования» в собственные таланты. Отрасли социальной сферы, в частности, сфера образования, естественным образом становятся ключевыми элементами подобного инвестирования, которая всё больше привлекает внимание исследователей [19].

Заметим, что снижение актуальности марксистского подхода к анализу социальной жизни никоим образом не рассматривается нами как отказ от базовых положений его методологии. Трансформация предмета исследования, неизбежная в условиях масштабных социальных изменений, несомненно, подтвердила корректность методологического вектора марксистского анализа.

В частности, вопросы формирования и развития социальной структуры с учётом факторов организации общественного труда и производства, а также

теория капитала, предложенная К. Марксом, могут быть рассмотрены как исходные теоретические предпосылки нашего анализа социального капитала как самовозрастающей стоимости, ценность которой возрастает по мере её активного использования.

Кроме того, как предполагаемый организационный эффект социального капитала можно интерпретировать и идею о возможной синергетике определённым образом организованной рабочей силы на основе революционной идеи (вспомним призыв к пролетариату «соединяться», поскольку ему «нечего терять, кроме своих цепей», а «приобретёт же он весь мир» [18]).

Высокая популярность сетевого подхода в изучении практик социального управления обусловлена не только тенденцией к возрастанию уровня сетевизации общества, но и его значительной гибкостью в изучении социального поведения и объяснении социальных явлений. Мы придерживаемся реляционистского подхода к анализу социальных сетей, развивающегося в русле так называемой «реляционной социологии», которая рассматривает культурные и структурные компоненты как значимые, пересекающиеся и взаимно конструирующие друг друга при анализе социальных процессов.

В качестве объекта исследования при этом выступают не статичные отношения, а транзакции – динамичные, перманентные и случайные процессы в рамках контекстов их развития [16, с. 20]. С помощью сетевого подхода могут быть объяснены практики, интерпретация которых с позиций институционализма или культурологического подхода может быть затруднена, в то время как сеть понимается как феноменологическая реальность и как конструкт для измерения.

Следует отметить значимое с теоретической точки зрения понятие *embeddedness* (встроенность, укоренённость), предложенное М. Грановеттером [9, с. 44] в противовес понятию атомизированности. С точки зрения сетевого подхода, социальная укоренённость действия

выступает, прежде всего, как встроенность в межличностные отношения. Основа сетевых связей – межличностные отношения и сопряжённые с ними обязательства. Акторы воспроизводят в своих действиях уже привычные для них отношения, а межличностные отношения характеризуются персонифицированным характером и высокой степенью доверия.

По этому поводу М. Грановеттер отмечал, что «повседневная экономическая жизнь не переполнена проявлениями недоверия и мошенничества не потому, что индивиды всецело подчиняются институтам или действию обобщённой морали. Экономическое действие является социальным и укоренено в социальных отношениях в том смысле, что оно контролируется межличностными отношениями, базирующимися на понятии доверия» [9, с. 51].

Идея социальной укоренённости действия в межличностных отношениях рассматривается как одна из базовых теоретических посылок при исследовании межличностных отношений как социальных, позволяя трактовать экономическое с позиции социального, осуществляя поиск «социального в экономическом» для объяснения сущности экономических явлений с позиции принципов социально-ориентированного управления.

Мы полагаем принципиально важным при разработке концептуальной модели социального капитала опору на доверие в социальных отношениях как одну из его основ, обладающую значительным социальным потенциалом в процессе формирования и развития социального капитала. В указанном контексте идеи М. Грановеттера обладают несомненным теоретическим потенциалом для концептуализации социального капитала.

Определение сети как основы социального капитала предложено Дж. Коулманом, который определил социальный капитал как вид ресурса, распределённого между структурными позициями акторов, наряду с материальными и другими ресурсами, с которыми социальный капитал может комбинироваться, тем самым приумножаясь [15]. Способ перемещения этого вида капитала определяется видом социальной структуры и её

свойствами. Социальный капитал продуктивен, способствуя достижению целей и облегчая социальное взаимодействие акторов внутри структуры.

В приведённом выше определении социального капитала ценными представляются идеи о его ресурсном характере, распределённости в социальной структуре в соответствии с их социальными позициями, а также о его способности к самовозрастанию в сочетании с другими ресурсами организации. Теоретическую перспективу имеет и проблема взаимодействия различных видов капиталов как активов, механизмы их возможной взаимной трансформации для обеспечения организационных эффектов и повышения социальной эффективности.

Одним из эффектов можно рассматривать повышение уровня сплочённости работников, определяющей и уровень социальной сплочённости общества, в котором «люди действуют ответственно, социальный диалог принят за норму, институты и процедуры работают во имя гражданского диалога и активной вовлечённости людей в демократические процессы, а чувство безопасности и уверенности в завтрашнем дне возрастает» [27, с. 36].

Социальная сплочённость как антиномия социальному отчуждению, в свою очередь, обеспечивает преодоление социального отчуждения, возникающее, как утверждает А. Сен, когда индивид лишается возможности свободно осуществлять действия, которые он считает необходимыми для себя, участвуя в важных для него аспектах социальной жизни («крах возможностей») [58].

Идея социальной сплочённости представляется плодотворной в рамках предлагаемого социально ориентированного управления, направленного на укрепление социально-трудовых отношений, развитие социального партнёрства и повышения социальной сплочённости общества в сложившихся условиях его функционирования.

Из приведённых выше определений достаточно чётко прослеживаются отличия экономического и социологического подходов к изучению сетевых структур. С позиций экономической теории, сеть – одна из форм, позволяющих

экономить на масштабе производства. Социология управления, в свою очередь, исследует социальный аспект проблемы, отвечая на вопрос о том, как конкретный тип социальных отношений определяет механизм осуществления экономических трансакций.

Сетевой подход, связывая микро- и макроуровень, позволяет убедительно обосновать устойчивость больших и малых социальных общностей в период разрушения или паралича институциональных образований перед лицом кризиса или общественных трансформаций. Подобным образом сетевые отношения трактуются в теории конвенций Л. Тевено, который использует схожий термин – «инвестиции в формы», подразумевая под ним выработку общих схем категоризации, в результате чего «вещи» становятся независимыми от контекстов [Цит. по: 26, с. 12].

Таким образом, социальные сети, с точки зрения социологии управления, являются объективно существующими неформальными общностями со своими целями, интересами и потребностями. Взаимовыгодные отношения строятся на основе единых для всех участников сети социальных нормах и ценностях. Устойчивость сети обеспечивается благодаря свойству реципрокности (взаимности).

Отмеченные Л. Тевено «инвестиции в формы», обусловливающие объективность социальных общностей, возникающих в результате сетевых взаимодействий, в нашем понимании, представляет собой теоретическую основу для анализа социального капитала как объективно существующего элемента организации, что позволяет аргументировать его на эмпирическом и теоретическом уровнях, провести операционализацию и разработать концептуальную модель его формирования.

Как отмечает У. Бейкер, сетевые связи характеризуются следующими чертами: укоренённостью, связанностью, взаимностью (реципрокностью) [32]. К указанным чертам, по мнению М. Дэверна, можно добавить персонифицированный характер отношений [36], а в работах А. Кейстера

и М. Мизручи указывается ещё и широкая распространённость внеэкономических предпочтений и преференций [43].

К основным параметрам сетевых структур, как отмечается в работах М. Мизручи, можно отнести: плотность сети (количество агентов и число связей между ними); степень централизации сети (мера группировки агентов вокруг единого центра); гомогенность сети (степень её однородности/разнородности); силу связей; тесноту связей (количество контактов или сделок за определённый период времени); замкнутость и устойчивость связей [49].

Перечисленные выше характеристики описывают сеть как определённую форму связи, определяющую её конфигурацию в целом, структурирующую позиции акторов и направляющую определённым образом их практики. Во-вторых, они дают возможность изучать связи всех уровней, начиная от межличностных отношений до мировой системы, тем самым, представляя социальную реальность в виде сетевого пространства и устанавливая аналитическую связь между повседневной деятельностью индивидов и разнородными социальными изменениями.

И в-третьих, отличительные особенности сетевой теории – реляционистская направленность и концептуальная ёмкость – способствуют не только оптимальному пониманию глубинных факторов, влияющих на эффективность социальной, экономической, интеллектуальной деятельности социальных субъектов, но и наиболее точному определению места и функций социальных взаимодействий в общей архитектуре социальной системы. Эти три аспекта имеют определяющее значение для понимания места и роли сетевой теории в структуре социологического знания.

Традиционно социально-экономический прогресс общества измеряется ростом национального богатства, выражаемого в экономических показателях. По нашему мнению, концептуализация социального капитала как социального ресурса управления, отражающая его закономерную «социализацию» (в противовес его «экономизации»), актуализирует проблему трансформации

структуры национального богатства. Включение в него социального капитала представляется логичным в связи с его особой ролью как ресурса социально ориентированного управления и общественного блага, обеспечивающего социальную эффективность организаций и общества в целом.

Список источников

1. Алексеева А. Уверенность, обобщённое доверие и межличностное доверие: критерии, различения // Социальная реальность. – 2008. – № 7. – С. 85-98.
2. Барсукова С.Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. – 2003. – № 2. – С. 81–122.
3. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. Трагедия философии. Труды. Т. 1. – М.: Издательство «Наука», 1993. – 590 с.
4. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – № 5. – С. 60-74.
5. Бюссе С. Социальный капитал и неформальная экономика в России // Мир России. – 2002. – № 2. – С. 93-104.
6. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. – М., 1990. – 808 с. – С. 609.
7. Градосельская Г.В. Анализ социальных сетей: дис. ... канд. социол. наук. – М., 2001. – 22 с.
8. Градосельская Г.В. Социальные сети: обмен частными трансфертами. – URL: http://www.nir.ru/sj/sj/sj99-grado.html.
9. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укоренённости // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 3. – С. 44-58.
10. Гудкова Т.В. Социальный капитал как фактор социокультурного и экономического развития общества // Философия хозяйства. – 2015. – С. 197-204.

11. Епанчинцев А.О. Социальный капитал в западных и российских социокультурных системах: дис. … канд. социол. наук. – Ростов-н/Д., 2005. – 130 с.
12. Игумнов О.А. Становление концепций социального капитала: обзор теоретических подходов // Социология. – 2019. – № 1. – С. 41-49.
13. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – Пер. с англ.; под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
14. Козырева П.М. Межличностное доверие в процессе формирования социального капитала // Социологические исследования. – 2009. – № 1. – С. 43-54.
15. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121-139.
16. Мальцева Д.В. Сетевой подход в социологии: генезис идей, современное состояние и возможности применения. Автореф. дисс. … канд. социол. наук. – М., 2014. – 26 с.
17. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том 1. – М.: Эксмо, 2017. – 200 с.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. URL: https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm#ch4.
19. Натхов Т. Образование, социальный капитал и развитие // Вопросы экономики. – 2010. – № 8. – С. 112-122.
20. Патнэм Р. Чтобы демократия работала. Гражданские традиции в современной Италии. – М.: Ad Marginem, 1996. – 287 с.
21. Пригожин И.Г. Сетевое общество // Социологические исследования. – 2008. – № 1. – С. 24-27.
22. Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Политические исследования. – 1993. – № 5. – С. 79-87.
23. Сидорина Т.Ю. Социальный капитал организации и социальная политика российского предприятия // Журнал исследований социальной политики. – 2007. – Т. 5. – № 3. – С. 319-334.

24. Соболева И.В. Социальный капитал или социальный ресурс? // Экономическая наука современной России. – 2006. – № 3(34). – С. 16-29.
25. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / О.И. Шкаратан и колл. – М.: Изд-во «Олма Медиа Группа», 2009. – 555 с.
26. Старк Д. Гетерархия: неоднозначность активов и организация разнообразия в постсоциалистических странах // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / под ред. В.В. Радаева. – М., 2002. – С. 4-24.
27. Суриков А.И., Шкира А.Д. Зарубежный опыт обеспечения социальной сплочённости. – М.: ИД «АТиСО», 2014. – 89 с.
28. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. – С. 82-91.
29. Швери Р. Теоретическая социология Джеймса Коулмена: аналитический обзор // Социологический журнал. – 1996. – № 1-2. – С. 62-81.
30. Шихирев Н.П. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 17-32.
31. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ.; под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 441 с.
32. Baker W.E. Floor Trading and Crowd Dynamics // Adler P.A. and Pet. Adler (eds). The Social Dynamics of Financial Markets. – Greenwich, CT: JAI Press, 1984. – P. 107-128.
33. Becker G.S. Human Capital. – N.Y., 1964. – 423 p.
34. Boeck T., Fleming J. Social Policy – a Help or a Hindrance to Social Capital // Social Policy and Society. – 2005. – Vol. 4. – № 3. – pp. 259-270.
35. Burt R.S. Structural Holes: The Social Structure of Competition. – Cambridge Baker W. Market Networks and Corporate Behavior // American Journal of Sociology. – 1990. – Vol. 96. – P. 589-625.

36. Davern M. Social Networks and Economic Sociology: A Proposed Research Agenda For a More Complete Social Science // American Journal of Economics and Sociology. – 1997. – Vol. 56. – № 3. – P. 287-302.
37. Flap H.D. No Man Is An Island: The Research Program of a Social Capital Theory. – World Congress of Sociology. – Bielefeld, 1994. – 357 p.
38. Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. – New York, «The Free Press», 1995. – 457 p.
39. Giddens A. Beyond Left and Right: The future of radical politics. – Cambridge: Polity Press, 1994. – 276 p.
40. Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the Late Modern Age. – Cambridge: Polity Press, 1991. – 380 p.
41. Giddens A. The consequences of modernity. – Cambridge: Polity Press, 1990. – 360 p.
42. Hanifan L.J. The Community Center. – Boston, 1920. – 230 p.
43. Keister A. L. Financial Markets, Money and Banking // Annual Review of Sociology. – 2002. – Vol. 28. – P. 39-61.
44. Lin N. Conceptualizing Social Support. – Social Support, Life Events, and Depression / Ed. by N. Lin, A. Dean, W. Ensel. – Orlando, 1986. – P. 17-30.
45. Lin N. Social Capital: A Theory of Social Structure and Action. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 292 p.
46. Lin N., Cook K., Burt R.S. Social Capital: Theory and Research. – Walter de Gruyter, Inc., 2001. – 333 p.
47. Luhman N. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations (electronic edition) / Ed. by D. Gambetta. Oxford: University of Oxford, 2000. – Ch. 6. – P. 94-107.
48. Maskell P. Social Capital, Innovation and Competitivness // Social Capital. Critical Perspectives / Eds. S. Baron, J. Field, T. Schuller. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 320 p.
49. Mizruchi M. Social Network Analysis: Recent Achievements and Current Controversies// Acta Sociologica. – 1994. – Vol. 37. – P. 329-343.

50. Paldam M. Social Capital: One or Many? Definition and Measurement // Journal of Economic Surveys. – 2000. – Vol. 14. – Is. 5. – P. 629-654.
51. Portes A. Social Capital: Its Origins and Application in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. – 1998. – Vol. 24. – P. 1-24.
52. Portes A. The two meanings of social capital // Sociological Forum.– 2000. – Vol. 15. – P.1-12.
53. Portes A., Vickstrom E. Diversity, social capital and cohesion // The Annual Review of Sociology. – 2011. – Vol. 37. – P. 491-479.
54. Portes A., Sensenbrenner J. Embeddedness and Immigration: Notes on the Social Determinants of Economic Action // American Journal of Sociology. – 1993. – Vol. 98. – № 6 (May). – P. 1320-1350.
55. Putnam R. Making Democracy Work. Civic Tradition in Modern Italy. – Princeton: Princeton University Press, 1993. – 410 p.
56. Putnam R. Social capital: measurement and consequences // Canadian Journal of Policy Research. – 2001. – Vol. 2. – P. 41-51.
57. Rose R. How Much Does Social Add to Individual Health? A Survey Study of Russians // Social Science and Medicine. – 2000. – Vol. 51. – P. 1422-1423.
58. Sen A. Social Exclusion: Concept, Application and Scrutiny, Social Development. Papers # 1. Office of Environment and Social Development Asian Development Bank. – Manila, 2000. – 60 p.